

"Бабушка, бабушка, ты должна решить за своего внука!" Не успел человек войти во двор, как голос Чжао Ваньшу проник в окно, напугав попугая, висевшего на балке, и заставив его хлопать крыльями.

"В чем дело? Кто обижает моего хорошего внука, сообщи бабушке, и я непременно побью его на паркет!" Старая мадам поспешно приветствовала его тростью, хотя ее лицо все еще было немного некрасивым, ее глаза были полны улыбки. Когда ее сын так разочаровал ее, она возложила надежду на возрождение семьи на своего внука, и это было неизбежно, что в обычные дни она больше благоволила ему, и не могла видеть, что его обижают.

Чжао Ваньшу бросился в объятия бабушки, надулся и закричал: "Это Гуань ши". Когда слова упали, он вошел во внутренний зал, засучил рукава и пожаловался: "Посмотри бабушка, она меня побила! Она даже заставляла меня привязывать мешочки с песком к запястью, отчего у меня сошло несколько слоев кожи, боль была такая, что я не мог спать по ночам. Моя сестра солгала мне, Гуань ши совсем плохая, я не хочу, чтобы она была моей матерью, я хочу, чтобы моя третья тетя была моей матерью".

Пока старая госпожа проверяла раны на запястье и ладони внука, она подняла подбородок на маму-хозяйку, чтобы та разведала обстановку. Другая служанка принесла лекарство от золотой болячки, ватную марлю и другие предметы, чтобы перевязать раны старшего молодого господина.

Чтобы завоевать любовь и расположение своей бабушки, Чжао Ваньшу, хотя и не испытывал сильной боли, очень громко кричал, даже хмурился со слезами на глазах, показывая невыносимый вид.

Старая госпожа выглядела крайне расстроенной, но не сделала того, чего желала - не позвала Гуань Ши, чтобы пожаловаться или отругать ее. Характер Гуань Ши все еще был очень надежным, не говоря уже о том, что образование ее семьи было одним из лучших во всем Вэе. Семья Гуань была конфуцианской и благородной семьей. У каждого человека есть эгоизм, и каждый может быть неблагосклонен к своим пасынкам и падчерицам, но Гуань Ши не будет этого делать. Она никогда бы не допустила, чтобы вековая репутация семьи Гуань пала в ее руках.

Мама- хозяйка, осведомившаяся о новостях, быстро вошла и зашептала ей на ухо. Чжао Ваньшу продолжал подглядывать за ней краем глаза и увидел, что брови его бабушки сжимаются все сильнее и сильнее, он подумал, что бабушка определенно будет принимать решения за него, поэтому он продолжал плакать: "Сердце Гуань ши такое жестокое, я не хочу идти к ней во двор учиться, в будущем, когда приедет тетя, я перееду жить к тете, и тетя будет заботиться обо мне. Она любит нас с сестрой больше всех, с тех пор как мы были маленькими, и она очень искренна с нами, совсем не сравнится с Гуань Ши."

"Заткнись!" Старая госпожа, молчавшая все это время, вдруг рассердилась, сильно ударила по столу и выругалась: "Что за тетя, когда она проходит мимо двери, ты можешь называть ее

только yiniang (наложница отца). Я никогда не слышала, чтобы сыновья или дочери ди воспитывались не у госпожи, а вместо этого шли к наложнице. Тебе уже одиннадцать лет, неужели ты этого не понимаешь? Не называй ее Гуань ши, она твоя мать, ты должен уважать ее, даже если она бьет и ругает тебя, и позволяет привязывать мешок с песком, чтобы заниматься каллиграфией, это тоже для твоего же блага, и ты должен быть послушным. Идите, отведите старшего молодого господина в главный дом, чтобы он извинился перед госпожой, если он не хочет, пусть встанет на колени перед дверью, и отправьте его обратно в башню Цзинчжэ, когда госпожа успокоится".

В ответ вошли несколько крепких старух, намереваясь проводить старшего молодого господина обратно.

Чжао Ваньшу был ошеломлен и пришел в себя только после того, как его вынесли на руках, он яростно сопротивлялся и причитал. Старухи не посмели причинить ему боль, поэтому быстро отпустили. Но ему некуда было бежать, он просто лежал на земле и катался, бил землю, бесконечно жалуясь: бабушка больше не заботится обо мне; у меня нет матери, а теперь у меня нет и отца. С меня хватит; старшая сестра солгала, Гуань Ши злая и нарочно мучает меня; тетя, поторопись, ты единственная, кто относится ко мне искренне, и ругал всех в доме.

Старая госпожа очень удивилась, увидев, что он выглядит как негодяй, как будто она действительно узнала этого внука только сегодня.

"Не поднимайте его. Если ему не нравится, пусть валяется на земле, воеет и ругается, как собака, кто его научил, а? Кто его научил?" Старая мадам была так зла, что чуть не упала.

В этот момент Чжао Лули и Чжао Чуньси, преследовавшие его, наконец, подошли, и их лица стали еще более ужасными, когда они увидели, что в главном дворе царит хаос и кипение.

Разве Чжао Ваньшу не выглядел так же, как Лю Ши? Несколько часов назад она все еще суежилась в его кабинете, вынуждая его согласиться взять наложницу. За исключением Чжэньэр, никто из семьи Е не знал, как пишется слово "этикет", это было прекрасно, но они также научили его хорошего сына быть таким. Чжао Лули чувствовал себя несчастным в своем сердце, но ему некому было жаловаться, поэтому ему пришлось сделать шаг вперед и подтащить сына.

Чжао Ваньшу больше всего боялся своего отца, увидеть его было все равно, что мышке увидеть кошку. Он быстро встал, вытер слезы и робко улыбнулся.

"Иди в зал предков и преклони колени. Когда поймешь, в чем дело, тогда и выйдешь". Чжао Лули слегка взмахнул рукавами, и двое охранников сопроводили грязного старшего молодого господина вниз.

На этот раз он больше не осмеливался бороться, кататься, бить землю или причитать, только снова и снова смотрел на свою сестру, надеясь, что она скажет несколько слов с мольбой. Чжао Чуньси опустила глаза и сделала вид, что ничего не заметила. Группа постепенно уходила, и в

главном дворе наконец-то стало тихо.

"Пусть мать побеспокоится, этот сын не воспитан". Чжао Лули извинился перед старой госпожой, которая стояла несколькими шагами выше.

" Ты совершил много непорядочных поступков, этот не самый худший". Старая госпожа развернулась и пошла обратно в дом, и холодно сказала: "После того, как Е Чжэнь ушла, Е Фань пришла, семья Е не собирается отпускать мой особняк маркиза Чжэньбэй! В ранние годы ты жил как вдовец, но никогда не видел, чтобы семья Е беспокоилась о том, как будут воспитываться твои дети. Теперь, когда ты женат, и ты женился на знаменитой Гуань Ши, они вдруг заставили приехать дочь Шу, что ты хочешь этим сказать? Ты даже не можешь жениться и взять наложниц по своей воле, а всегда находишься на милости у семьи Е. Если ты спрашиваешь меня, то можешь просто присоединиться к семье Е, и относиться ко мне так, как будто я никогда не рожала такого непорядочного сына, как ты!"

Чжао Лули нечего было сказать, только молчать. Чжао Чуньси тайно схватила его за рукав в знак утешения.

Старая госпожа вздохнула и снова сказала: "Суй хороша. Если бы она была моей дочерью, я бы скорее выдала ее замуж за торговца, чем за тебя. Это наша семья Чжао причинила вред семье Гуань. Если у тебя еще есть совесть, обращай с ней хорошо, она может сейчас подождать и посмотреть, но какими бы теплыми ни были сердце и чувства, рано или поздно наступит день, когда они остынут. Даже если ты захочешь спасти отношения, ты не сможешь их спасти. Я уже все сказала, хочешь ты слушать или нет".

Она ничего не ждала от такого сына, и после нескольких слов приказала кому-то приготовить щедрый подарок, а сама отправилась лично извиняться перед невесткой. Если невестка действительно оставит Ваньшу в покое, ни о каком будущем для него не могло быть и речи.

Чжао Лу на мгновение охватила паника, а когда он собрался с мыслями, паника исчезла без следа, но он был полон беспомощности и раскаяния.

--

Гуань Суй и старая госпожа долго разговаривали до глубокой ночи. Из-за сына ей пришлось забрать Чжао Ваньшу, эту горячую картофелину, обратно. К счастью, старая госпожа совсем не упоминала Чжао Чуньси, было даже намерение выкинуть ее и позволить ей и Е Фань собраться в кучу. Проведя ночь без сновидений, на следующий день она поприветствовала ее и вернулась в дом Гуань, чтобы сообщить деду и родителям о том, что касается взятия наложниц.

"Конечно, они потомки беглых рабынь, такие бесстыжие! Как можно брать наложницу до свадьбы за полмесяца, это явно для того, чтобы унижить нашу Ии! Если бы я женился на Йийи раньше, ей не пришлось бы терпеть такое унижение, как сейчас. Особняк Чжао и семья Е действительно обманывают людей!" Чжун Ши была так зла, что если бы Чжао Лули и Лю Ши стояли перед ними, они бы точно были разорваны ею в клочья.

Старый мастер Гуань погладил свою бороду и покачал головой, говоря, что семья Чжао не знает, что такое приличия и так далее. Он был честным человеком и обладал скучным характером. Некоторое время он не знал, как помочь своей внучке, и его сердце горело как огонь.

Гуань Суй не рассчитывала на мать и деда, она вернулась специально, чтобы пообщаться с отцом. Не смотрите на поверхностную мягкость и открытость ее отца, внутри он обладал своими хитростями. Он был знающим, но не педантичным, верным, но не старомодным, умел служить правителю и сочувствовать народу, имел гармоничные отношения с коллегами, обменивался взаимопомощью, не лишен был интриганских способностей. В прошлой жизни он упустил возможность и растратил всю свою жизнь. В этой жизни он был подобен дракону, входящему в море, и ему предстояло совершить великий подвиг.

Когда ее отец был здесь, Гуань Суй ничего не боялась. Она утешала мать и деда добрым голосом, а в конце сказала: "К счастью, у нас с Чжао Лули совсем нет дружбы. Для него нет ничего страшного в том, чтобы взять наложницу. Я отдам ему и Минфан, чтобы он мог вкусить счастливую судьбу человека из Ци. Пока род Гуань не пал, пока дед и отец могут говорить перед Его Величеством, кто может взять меня? Я все еще хозяйка особняка маркиза, сколько бы наложниц ни взял Чжао Лули, это не поколеблет мой статус. Просто личность Е Фань несколько особенная, и семья Е, вероятно, попросит Е Цзеюя поддержать ее".

Отец Гуань понял, и равнодушно махнул рукой: "Гарем предыдущей династии, Его Величеству все ясно. Неважно, насколько благосклонна Е Цзеюй, она не может ничего говорить о дворе."

Он медленно отхлебнул горячего чая, и голос Гуань Отца стал холоднее: "Если она будет открыто поддерживать Е Фана, отец сделает так, что у семьи Е не будет лица, и посмотрим, у кого руки толще". Он ласково коснулся макушки дочери и смягчил тон: "Возвращайся со спокойной душой, все в порядке, есть отец. Выходя замуж в такую семью, правильно не открывать свое сердце, если ты не откроешь свое сердце, ты не будешь грустить, если ты не откроешь свое сердце, только тогда ты сможешь быть бессердечной. Конечно, не стоит быть бессердечной, если это не нужно, но если дело действительно безнадежно, наша семья Гуань никого не боится."

"Твой отец прав. Если возмещать обиду добром, зачем возмещать добро? Семья Чжао не добра к тебе, и нам не нужно быть праведными по отношению к нему, просто сохраняй хорошее лицо." Обычно старый мастер Гуань не обвинял других, даже защищал их, но если дело касалось его внучки, он мог полностью отречься от своих шести родственников.

В конце концов, Чжун Ши была женщиной, поэтому она понимала весь ужас одиночества в дальнем доме. Она отозвала дочь в сторону и сказала, чтобы та постаралась как можно крепче прижать к себе мужа и не доводить дело до точки невозврата. Гуань Суй внешне пообещала, но внутри не могла согласиться. Весь день она с комфортом провела в своем девичьем доме, и только вечером вернулась в карете в особняк маркиза.

Тем временем дебаты в здании Вэнькуй продолжались. Это был третий раунд. Из-за известности первых двух раундов, на этот раз пришло много людей, поэтому было очень

оживленно. Цинь Линъюнь сидел на старом месте со своей невесткой Ли Ши, а император Шэн Юань стоял у перил. Он казался спокойным, но на самом деле его взгляд был прикован к проезжающим за дверью каретам.

Увидев, что Сюй Гуанчжи и его оппонент вышли на высокий помост и начали писать тему дебатов, он наконец не сдержался: "Почему госпожа маркиза Чжэньбэй не пришла?".

Не дожидаясь ответа стражника, Ли Ши усмехнулась: "Как она может быть не в настроении прийти? В особняке маркиза произошло что-то важное. Если она заменит меня, то я сначала прикончу Чжао Лули, потом убью семью Е, и пусть эти мерзкие люди съедят все последствия!"

Зная, что Гуань Суй попала в беду, император Шэн Юань нахмурился. "Почему в этом замешана семья Е? Что случилось?"

<http://tl.rulate.ru/book/67090/2402956>